

РУТГЕР КОПЛАНД

[81]

ИЛ 11/2019

Стихи

Перевод с нидерландского и вступление Елены Данченко

Рутгера Копланда любят в Нидерландах. Он и теперь, после смерти (в 2012 году), по-прежнему необычайно популярен в стране. В чем секрет поэтического успеха Рутгера Хэндрика ван ден Хофдаккера — а это и есть настоящее имя поэта — известного в научных кругах врача-психиатра, преподавателя Гронингенского университета, автора многих научных трудов и создателя новых методик лечения людей с психическими заболеваниями?

Все дело в том, что психиатр Хофдаккер... отдыхал от работы за написанием стихов. Лечебное дело требует строгой дисциплины и подлежит контролю медицинских властей, с которыми у него были разногласия после публикации нелицеприятного для них памфлета "Бастион всезнаек" о методах лечения в психиатрии. За это его отстранили от практики и далее он мог только преподавать. Ученый-новатор и бунтарь писал стихи легко и непринужденно, превращаясь в Рутгера Копланда.

Наблюдательность, пристальное внимание к простым словам, мгновенное впечатление, которое растягивается в стихотворении и превращается в лист Мёбиуса — некую загадку бытия, которую невозможно разгадать, но которой можно восхититься и поломать над ней голову, — все это отличительные черты его поэзии. Естественность интонации, чувственная глубина образов часто отмечают читатели и критиками Копланда.

Его письма

Его письма пахнут старой бумагой,
чернила их поседали.

Да, это его почерк,
так выглядели его письма.

Письма имеют свойство прояснять то, что живет
внутри,
и он — мол, на меня посмотри! — это сделал.

Писать — значит знать то, что другой прочитает,
а этим другим был я.

Эти буквы, выведенные его рукой,
настолько он сам, что он

вернулся ко мне. Я слышу его голос,
вижу его лицо, стакан в руке, зажженную сигарету

и в то же время — не что иное,
как истертую бумагу и поседевшие чернила.

Его пальто

Не успел мой отец Я.
умереть, как моя мать А.
сняла его почти что новый плащ с крючка
и осторожно произнесла: “Примерь,
он так гордился им”.

И я, вдевая руки в рукава,
застегивая пуговицы,
чувствовал, насколько мертв отец,
насколько отрочество
далеко мое. Насколько старым, слабым
я стану в этих складках, и кожа
повиснет на моих костях.

Что значит уйти

Уйти — это не значит
тихо и постепенно покинуть дом,
неслышно закрывая дверь
за своим существованием, и —

больше не возвращаться. Когда ты уходишь,
ты остаешься тем, кого ждут.

Уход можно определить,
как способ остаться. Никто
не ожидает тебя, потому что ты все еще здесь.
Никто не прощается,
потому что ты никуда не уходишь.

Ева, песчаник, двенадцатый век

Для скульптора она была первой женщиной
на земле — его смиренное восхищение проступает
в той женщине, которую он создавал, настолько она
горделива.

Она не смотрит, она видит наш путь: и тот,
что мы прошли, и тот, что пройдем.

Похоже, она думает о своем начале,
о том, как вместе с Адамом они вышли из рая,
чтобы стать первыми людьми.

Ее кожа и губы были гладкими и мягкими.
Она была создана для обожания
и для того, чтобы нежить детей.

Но она огрубела на солнце, под дождем и ветром.
Стихии, в которых ей пришлось жить, обнажили
материю,
из которой она была сделана, — песчаник.

Камень, существующий целую вечность
до того, как она появилась на свет.

Наверное, поэтому ее лицо глубоко задумчиво,
а расстояние между нами — неизмеримо.

Хорал

У современников Иоганн Себастьян Бах
числился органистом-виртуозом. Он играл
с неподражаемой “Leichtigkeit”¹.

1. Легкость (нем.).

Это можно было бы назвать ловкостью рук,
если бы не легкость — такая, что, казалось,
играют не руки.

Я догадываюсь, как звучала его музыка,
вижу его самого, играющего в этой церкви,
в органной камерке, там, наверху.

Я слышу древний механизм, кряхтение
шарниров, тихое постукивание клавиш,
скрип половиц, вздохи ветра
и музыку, сотканную из воздуха.

Хорал медленно парит в пространстве,
невидимой, невесомой птицей.
Leichtigkeit.

Открытка с греческого острова

Герман, я хотел написать тебе открытку,
этакую фиговинку с видом, шутки ради, —
ну, конечно, ты знаешь о чем.

Но я узнал, что ты умер,
прежде чем я пошутил.

Я пока еще жив, наша беседа не закончена.
Все эти дни я живу, склонившись над бумагой, думая
о вычеркнутых и снова написанных словах,

воспроизводящих наш разговор,
и то, на чем мы остановились: “стихи не пишут,
не ожидая прихода смерти” — здесь мы были
трогательно единомысленны.

Поэзия была счастьем отыскать пару слов,
жаждущих принадлежать друг другу,
до того как смерть придет за нами.

Поэзия была заботливо скрытой шуткой,
чтобы смерть вычеркивала написанное и снова
писала —
это и было поэзией.

Я никогда тебя больше не увижу.

Последнее время я живу, склонившись, для того
чтобы все твое: оробелое тело,
голова, наполненная грустью и речью, —
все живое было похоронено.

Я живу, наклонившись над этой открыткой.
Ну, ты знаешь: слишком много синего моря,
слишком много безоблачного неба:
Happy days in Greece¹.

1. Счастливо отдохнуть в Греции (*англ.*).